

Чтобы не допустить тайных проникновений детей на ледяное поле, Тан Шоу решил нанять тех, кто лучше всех умеет держать остальных в узде — четырёх местных шалопаев, деревенских «вожаков»: именно они обычно командовали другими — то в реку за рыбой лезли, то гнёзда на деревьях искали.

Разумеется, просто так работать они не стали бы, поэтому Тан Шоу пообещал каждому по одному вэню в день, а ещё добавил: когда все эти юные господа из столицы уедут и каток опустеет, поле полностью перейдёт в их распоряжение — могут играть, сколько душе угодно.

Мальчишки, все как один подростки, страшно обрадовались: не каждый день удаётся подзаработать, пусть даже всего одну монету — ведь это помощь семье! И теперь с видом деловых людей они бродили вокруг катка, заложив руки за спину, зорко следя за происходящим. Стоило какому-то ребёнку попытаться пробраться внутрь, как они тут же в один голос окриком его прогоняли — прямо как настоящие охранники из будущего, не меньше.

Радовались не только дети, но и их родители. Ведь раньше они всё равно только баловались дома, а теперь — ни сил тратить, ни трудиться не надо: просто следят, чтобы никто лишний не прошёл, и за это получают деньги. Чистая находка!

— Ледяное развлечение окончено, пора спускаться! — позвал Тан Шоу, а вместе с ним и Сюн Чжуаншань, которые снова вынесли из двора целую охапку санок и пригласили юных господ из столицы продолжить забаву.

Цзинь Цзиньчэн и ещё несколько молодых господ были в самом разгаре веселья. Некоторые уже даже научились короткими отрезками скользить по льду, и, конечно же, никто из них не хотел останавливаться.

— Сюн-фулан, да мы ещё чуть-чуть поиграем, не волнуйтесь — я доплачу! — весело крикнул Цзинь Цзиньчэн.

Тан Шоу улыбнулся, прищурившись:

— Дело не в серебре. Тут просто есть ещё кое-что интересное.

— Интересное? Что ещё за интересное? Скорей показывайте! — с восклицанием скользнул к нему Мэн Ю. Он уже научился кататься без ледового посоха, уверенно держась на ногах.

Тан Шоу указал на лежащие на земле сани:

— Это санки. Садитесь вот сюда, видите тот ледяной склон напротив? С него, если разогнаться, можно скатиться очень далеко. Даже молодые барышни могут кататься — ничего страшного.

Юные мисс Чжоу и мисс Фэн давно уже бросали взгляды в сторону санок и теперь, услышав

это, сразу же увлеклись идеей. Они принялись настойчиво уговаривать юных господ снять коньки и пойти кататься вместе с ними. Те сперва нехотя согласились — мол, баловство, не мужское дело. Но стоило попробовать — и сами увлеклись, да так, что вскоре уже сгоняли девушек с санок и уселись на них сами.

— Цзиньчэн, ты посильнее толкни меня! Я всё равно не скатываюсь так далеко, как мисс Фэн!

— Ты же сам только что просил не толкать сильно, боялся, что улетишь! А теперь опять не так — и в чём бы ни было дело, всё на меня! Эй, Мэн Ю, отпусти сани, моя очередь!

Пока они веселились, Тан Шоу, довольный, покинул каток.

— Муж, останься тут с ними. Вдруг кто из этих столичных господ ушибется — потом нам же отвечать. Время уже позднее, я пойду ужин готовить.

Он сделал несколько шагов, потом обернулся и добавил:

— Только не стой просто так — на таком холоде замёрзнешь. Иди-ка сам на лёд, прокатись с ними, согреешься хоть.

Сюн Чжуаншань кивнул и с готовностью согласился.

На ужин у Тан Шоу уже были заготовки — со вчерашнего дня осталась жареная хрустящая свинина, да ещё не до конца съеденная курица. Он подумал немного и решил: куриные кости выберет, сварит на них бульон, а к нему подаст тофу. Деревянных шпажек дома не оказалось, так что он решил и не тратить времени на нанизывание, а просто нарезал сухой тофу тонкими ромбами.

Достав один из старых глиняных горшков, он тщательно вымыл его, поставил на печь. Вложил в него куриный остов, налил нужное количество воды, добавил соль, соевый соус, несколько ломтиков чеснока и имбиря, немного сушёной цедры мандарина и несколько плодов лонгана. Чуть-чуть рисового вина — и поставил вариться на медленном огне.

Так как это был ужин, и после еды не предстояло никаких подвижных развлечений, Тан Шоу решил сделать что-то более лёгкое для желудка — рисовую кашу. Но тут же подумал: вдруг эти капризные юные господа и барышни из столицы сочтут такое блюдо чересчур простым? Поэтому он решил дополнить меню: приготовить жареные на воде шуйцзяньбао — пышные поджаристые булочки, и к ним ещё — сладкие треугольники на пару с начинкой из сахара.

Шуйцзяньбао они точно не пробовали, но наверняка придутся по вкусу — в прошлый раз он делал их для Ван Сюна, так тот чуть язык не проглотил от удовольствия. А тансаньцзяо — сладкие треугольники — и вовсе в Юйчао не продаются, зато здешние люди обожают сладкое, так что уж точно понравятся.

И кашу он задумал не простую — не из одного риса. Он выбрал постную кашу с мясом: свинину нарезал тонкой соломкой и заварил вместе с рисом до мягкой, тягучей, ароматной консистенции — чтобы и вкусно, и сытно, и легко на желудок.

На закуску он выбрал нечто необычное: морскую капусту, которую однажды случайно купил на рынке в уездном центре — тогда хотел оставить на себя. Нарезал её тонкими полосками и приправил солью, соевым соусом, измельчённым чесноком и каплей соуса. Получилось острое и освежающее холодное блюдо — пряный салат из морской капусты.

Горячие блюда Тан Шоу решил ограничить всего двумя: поджаристый яичный блин и тушёные фрикадельки Львиная голова в густом соусе. Яиц в доме уже не осталось, так что пришлось сходить в деревню и купить немного — благо, серебро у него было, а потому деревенские охотно расставались с яйцами, которые обычно берегли даже для себя.

Как раз в это время куриный бульон в глиняном горшке на печи уже дошёл до нужной кондиции. Он закинул в него заранее нарезанные тонкими ромбами кусочки сухого тофу — варить их долго нельзя, минут пятнадцать вполне достаточно, иначе они раскиснут и развалятся.

Все приготовления были завершены, и Тан Шоу уже собирался открыть заднее окошко и позвать всех в дом, как вдруг из двора послышались оживлённые голоса. Юные господа и барышни, в полном восторге, неохотно завершили катание и, хихикая, с разговорами направлялись в дом. Не прошло и пары мгновений, как дверь с шумом распахнулась, и вся компания дружно ввалилась внутрь, бросая ледянки и коньки у порога.

— Сюн-фулан, что это вы опять вкусного приготовили? Мы тут все запах учуяли! — воскликнули они. После целого дня на свежем воздухе, да ещё и после дороги, всем нестерпимо хотелось сесть за стол, как следует поесть, а потом растянуться на тёплом кане и заснуть без задних мыслей. Молодость — дело хорошее: выносливость у них хоть отбавляй, попробуй-ка выгони играть людей постарше — ноги не унесут.

Тан Шоу с улыбкой ответил:

— Всё вкусное, заходите скорее, сейчас начну подавать.

Любопытная, весёлая стайка тут же протиснулась в комнату, расселась кто где, потирая руки в предвкушении. Пока семья Сюн носила блюда, юные гости оживлённо обсуждали ледяные забавы, явно влюбившись в них с первого взгляда.

Лишь когда Тан Шоу выставил все блюда на стол, шумная компания, наконец, угомонилась. Но стоило им опустить глаза на еду, как глаза округлились от удивления: кроме привычного яичного блина и каши с мясом, остальные блюда были сплошь незнакомыми — таких они не то чтобы не пробовали, даже названий раньше не слышали.

Им-то казалось, что тот вкуснейший обед, которым их угощали днём, и был пределом кулинарного искусства этого деревенского фулана. А оказалось — это было лишь начало. Судя по нынешнему столу, сегодняшний ужин ничем не уступал, а может, и превосходил обед.

Это было прямо-таки торжество для Цзинь Цзиньчэна: у него на лице открыто играло выражение превосходства. Не скрывая гордости, он приосанился и с ноткой снисходительной важности заявил:

— Сюн-фулан, давайте расскажите этим неотёсанным деревенщинам, как всё это называется. Они же и слов таких не знают!

Обычно надменные до крайности юные господа и барышни теперь вели себя скромнее — Тан Шоу со своей западной кухней, да ещё и с катком, успел произвести на них такое впечатление, что прежняя спесь поубавилась.

Тан Шоу терпеливо и доброжелательно рассказал обо всех блюдах, не спеша объясняя, что есть и как правильно пробовать. И вот, не дожидаясь второго приглашения, дети столицы дружно потянулись за палочками.

— М-м-м... вкусно! Это — куриный бульон с тофу? Как же вкусно! Почему нашей кухарке не пришло в голову приготовить что-то подобное? Правда, чуть островато, но... потрясающе!

— А ты попробуй вот это! Эти шуйцзяньбао вообще божественны! Главное — сначала укуси совсем чуть-чуть, чтобы выпить бульон внутри. Вся суть — в этом соке, он как концентрат вкуса!

— Да чего ты мне рассказываешь, — не удержался сосед и фыркнул. — Сюн-фулан сам только что всё это объяснил!

— Сюн-фулан готовит просто великолепно! — воскликнул кто-то с полным ртом. — Если бы он в столице открыл ресторан, он бы каждый день был битком набит!

Убедившись, что все едят с удовольствием, Тан Шоу и Сюн Чжуаншань тихо удалились и устроились ужинать у себя в комнате.

У Тан Шоу аппетит был небольшой: он выпил чашку каши, съел два шуйцзяньбао, чуть-чуть яичного блина, немного тофу в бульоне и пару крошек от львиной головы — и на этом остановился. Едва он положил палочки, Сюн Чжуаншань, зная, что тот уже наелся, немедленно начал добирать остатки с их стола.

Тансаньцзяо — сладкий треугольник размером с кулак — у него уходил за три укуса. Жареные булочки-шуйцзяньбао он ел без всякой осторожности: никакого аккуратного «отхлебни-сначала-бульон» — одним махом, с хрустом, и всё. Сначала только чуть обжигался, втягивая

воздух сквозь зубы, но после двух штук уже и жара не замечал — еда шла влет.

Тан Шоу за столько времени привык, уже не удивлялся как вначале. Он только сухо, по привычке напомнил:

— Не переедай. Вечером тяжело переварится. Даже если и не почувствуешь, всё равно вредно. Лучше насыщаться на семь частей из десяти.

— Я всё помню, — с полным ртом ответил Сюн Чжуаншань. — Я теперь никогда до отвала не ем.

Вот это "не до отвала"... — подумал Тан Шоу. На деле ведь всё равно съел уйму. Но странно — если бы кто-то другой ел так, ему бы точно захотелось сказать: ты что, свинья? Но когда ест Сюн Чжуаншань — кажется, что всё как раз так, как должно быть. Даже наоборот: если он не съест столько — вот тогда будет странно.

Каждый раз, когда в доме появлялись гости и Тан Шоу готовил что-то необычное, пусть это и требовало хлопот и сил, он неизменно делал дополнительную порцию — для Сюн Чжуаншаня. Стоило ему только представить, что тот, возможно, не пробовал чего-то, и ему, может быть, станет завидно или просто захочется, — Тан Шоу уже не мог выдержать. Пусть и приходилось возиться больше обычного, но он делал это с полной готовностью и без малейшего сожаления. А когда потом наблюдал, как Сюн Чжуаншань ест его еду, приготовленную с душой, и на его лице появляется довольная, теплая, почти детская улыбка, — в груди у Тан Шоу словно распускался цветок.

После ужина, когда они вместе убрали со стола, Сюн Чжуаншань, как обычно, без слов взял на себя мытьё посуды. И вот, стоило ему начать этим заниматься, как юные господа и барышни из столицы буквально онемели от неожиданности: кто бы мог подумать, что такой грозный, могучий мужчина будет стоять у корыта, намыливая чашки? Для них это было почти как увидеть тигра, который вдруг берёт иголку и начинает вышивать. Даже посуда в их глазах моментально стала казаться какой-то особенной, почти драгоценной.

И пусть это звучало преувеличенно, но даже в крестьянских семьях, где мужчины, конечно, брались за тяжёлую работу, бытовало молчаливое правило: дела кухни — стирка, готовка, уборка — за женщинами или шуаньэрами, мужчины туда обычно не суются. Так что зрелище и правда было для них непривычным.

Но Тан Шоу не дал им слишком засматриваться, чтобы Сюн Чжуаншань не рассердился:

— Думаю, вы за день устали, — мягко сказал он. — Пойдём, я покажу вам, где будете ночевать?

— Здесь всего одна гостевая комната? — удивлённо спросила мисс Фэн. — Я не пойду в дом к незнакомым людям. Я одна, незамужняя девушка, а вдруг что-то случится? Это опасно!

Все прекрасно понимали, что на самом деле мисс Фэн положила глаз на тёплый кан в доме Сюн Чжуаншаня. Уж если она, будучи юной барышней, осмелилась сбежать из дома вместе с братом, чтобы тайком последовать за любимым, можно представить, насколько у неё крепкие нервы — и кого она боится, а кого нет.

Тан Шоу с улыбкой, но твёрдо ответил:

— Я и мой муж всё-таки мужчины, если две барышни поселятся в нашем доме, это может вызвать пересуды, а репутация — дело тонкое.

Мисс Фэн тут же недовольно надула губы:

— Пересуды? Да что за пересуды — выходит, если гостиницу держит мужчина, нам, барышням, туда и заходить нельзя?

— Да как же нет, — поспешил успокоить её Тан Шоу. — Разумеется, можно. Просто не сердитесь, я ведь для вас специально подыскал дом с тёплым каном. В том доме живёт только старушка и четырёхлетний малыш, больше никого. Уверен, вам будет и тепло, и спокойно — и приличия соблюдены, и удобно.

Мисс Фэн фыркнула, но, поразмыслив, всё же кивнула:

— Ну, хорошо.

Тан Шоу повёл всю компанию к дому бабушки Чжан. Осмотревшись, барышни остались не слишком довольны: местечко было простое, скромное, далеко не изысканное. Но всё же кан там был — с огнём, с уходом, ночью слуги должны были следить за печью, чтобы не потухла. А это уже куда лучше, чем холодный пол. Взвесив плюсы и минусы, согласились остаться.

Бабушка Чжан, увидев, как её дом наполняется постояльцами, просияла: лишний доход — великое дело. Она тысячу раз поблагодарила Тан Шоу, кланяясь и улыбаясь.

Остальных слуг и телохранителей расселили по двум другим домам одиноких стариков. Эти старики были уже в годах, тяжёлую работу давно делать не могли, а потому и заработать тоже особо не удавалось. Тан Шоу, организовав размещение, фактически устроил им добрую подмогу. Те были в восторге, с радостью уступили свои каны и пообещали, что натопят как следует — чтобы гостям было тепло до утра.

В доме Сюн остались жить Цзинь Цзиньчэн, Мэн Ю, а также двое юных господ — Фэн и Чжоу. Дом Сюн был лучшим по условиям: чистый, просторный, с толстыми ватными одеялами — прямо рай для уставших за день детей. Все четверо были в восторге, только старались не выдавать это при барышнях, чтобы не вызвать зависть.

А Тан Шоу тем вечером снова сорвал куш — ужин принёс ему десять лян серебра. За один день он наторговал больше шестидесяти лян! Сердце его ликовало, глаза сияли, будто звёзды в небе. Он прижимал к груди завязанный мешочек с серебром, улыбался, предвкушая, как приятно будет его пересчитывать...

Но радость была недолгой. Только он порадовался — мешочек тут же перекочевал в руки Сюн Чжуаншаня.

Тан Шоу надул щёки и рассердился не на шутку:

— Ты хоть один лян мне можешь оставить? Ну один, ну хоть чуть-чуть! Я же сам всё заработал!

— Угу, — с серьёзным видом кивнул Сюн Чжуаншань. — Конечно, всё сам. Мой фулан самый способный.

Тан Шоу ещё больше разозлился:

— Ты только соглашаешься, а в деле всё равно всё забираешь! Ну так отдай хоть что-нибудь, а не болтай зря!

Сюн Чжуаншань тут же, будто припас это заранее, спокойно ответил:

— Разве не договорились? Вот родишь мне ребёнка — и сразу все деньги в твоё распоряжение. Тогда я даже монетку не спрячу, всё до последнего медяка отдам.

Тан Шоу слушал — и глаза у него закатывались всё выше.

— Кто с тобой о таком договаривался? Это ты сам себе всё напридумывал, — недовольно пробормотал Тан Шоу себе под нос.

— Фулан, ты что-то сказал? — обернулся Сюн Чжуаншань, прищурившись с наигранной невинностью.

— Я говорю... — Тан Шоу возмущённо поднял голову, — ты ведь сам знаешь, как тяжело шуаньэрам рожать! Не будем далеко ходить — у нас в деревне сколько таких, кто так и не смог детей завести. А ты теперь начинаешь с этим... давишь, между прочим. Ты не боишься, что я от такого давления сломаюсь?

Он говорил, не стесняясь приукрашивать, а про себя мрачно думал: Чёрт, да если я, взрослый мужик, и правда вдруг рожу — вот тогда у меня точно будет душевный срыв!

Но Сюн Чжуаншань, к изумлению Тан Шоу, действительно задумался. Помолчал с минуту, потом серьёзно кивнул:

— Ладно, об этом поговорим потом. Но если вдруг... ты правда... — он кашлянул, — всё равно деньги я отдам тебе, без вопросов. Просто сейчас — ещё не время.

Вот они - мужчины... — подумал Тан Шоу с нескрываемым сарказмом.

Пока в доме Сюн царила тёплая, умиротворённая атмосфера, в соседней деревне ночь не принесла покоя — там всё вверх дном, шум, крики, паника.

— Родила! Родила!

— Мальчик?

— Нет... шуанээр, — сказала пожилая женщина с разочарованием в голосе. — Вот беда... И так уж сколько раз — одни девчонки, а теперь ещё и шуанээр. Да кому он нужен? Ни толку, ни пользы. Разве он сможет мальчика родить, когда вырастет? Да и вообще, сможет ли кого родить — большой вопрос. Только лишний рот кормить — прямая обуза!

Старуха резко повернулась к лежащей на кровати женщине, только что родившей, и без всякой жалости набросилась на неё:

— Всё из-за тебя, никчёмная дрянь! Уже троих родила — и ни одного сына! Ты хочешь, чтобы наш род прервался?!

Женщина, измученная родами, лежала бледная, как снег за окном. Сквозь тонкую бумагу, заклеенную на окне, она слабо разглядела, как её муж в отчаянии сидит снаружи, прижимая голову к стене и стучаясь о неё снова и снова. В тот момент сердце её сжалось от ненависти к самой себе. Почему она такая бесполезная? Почему не может родить сына? В семье мужа он был единственным наследником, вся родня возлагала на неё надежду — продолжить фамилию, род, оставить «аромат благовоний» потомства. А она... и в этот раз подвела. Все вокруг были уверены — вот теперь-то точно мальчик. И вдруг — шуанээр. Как теперь быть? Узнают в деревне — над мужем будут смеяться за спиной.

Всё, о чём она думала — это мальчик. Не о новорождённом, не о себе — только о сыне, которого она не смогла родить. Казалось, если бы она могла сейчас подарить мужу сына — умереть сразу после этого ей было бы даже в радость.

Сжимаясь от боли, женщина с трудом заговорила, голос её был еле слышен:

— Мама, не сердитесь... Передай мужу, как только поправлюсь, я рожу ему ещё. Следующий точно будет мальчик...

— Да легко тебе говорить! — заорала старуха. — В прошлый раз тоже так говорила — и что вышло? Опять шуаньэр! От него толку ещё меньше, чем от девчонки! — она с гневом махнула рукой. — Да ты как свиноматка, может, и рожать можешь, но у нас в доме риса нет лишнего, чтобы их кормить! Или ты думаешь, дети воздухом питаться будут?!

Роженица, выслушав ругань, расплакалась и, не смея больше произнести ни слова, беззвучно лежала на кровати, утирая слёзы. Она так и осталась лежать, обнажённая, а две женщины, стоявшие рядом, даже не подумали накрыть её одеялом.

Старая женщина смотрела на ребёнка, который лежал у края кровати и громко кричал, с выражением полного отвращения.

— Сейчас найди ведро, налей туда горячей воды и утопи его, — без тени сочувствия сказала старуха. — В доме нет лишнего зерна, чтобы кормить шуаньэра.

Говорила она вслух, ничуть не понижая голос. Её слова прекрасно слышали и женщина на кровати, и мужчина, стоявший снаружи, и даже две маленькие девочки, притаившиеся у стены. Но никто не возразил.

Особенно заметно было, как испугались эти две девочки: они вжались в себя, будто боясь, что следующими могут стать они.

*Куриный суп с тофу на шпажках □□□□□

Жареные булочки шуйцзяньбао □□□

Сладкие паровые треугольники □□ □ □□